

ГЕРОЙ МЫСЛЯЩИЙ И ДЕЙСТВУЮЩИЙ

ПОЖАЛУИ, нигде так остро и глубоко режиссер не переживает удачи и неудачи прошедшего спектакля, нигде облик будущего спектакля не вырисовывается с такой четкостью и осязаемой достоверностью, как в пустом зрительном зале. Ряды незанятых кресел, закрытые входные двери, опущенный занавес — все это как бы продолжает хранить эмоциональную атмосферу театрального вечера.

И если спектакль был удачный, тишина пустого зала не пугает, не Astonishing. Кажется, скажи слово — и снова голоса друзей откликнутся на твой зов.

77-й раз идет на нашей сцене «Молодая гвардия» — и столько же раз царит в театре по-особому неподнятая, необычная атмосфера. Сейчас уже с трудом вспоминается время, когда необходимо было доказывать, объяснять, уверять актеров, а подчас и самого себя, что постановка «Молодой гвардии» возможна.

Мнения были разные: вспоминался и прославленный охлопковский спектакль («сможем ли мы сказать что-нибудь новое?»), говорили также,

что роман Фадеева известен всем и, стало быть, исключено то ожидание нового, неизвестного, которое всегда тянет зрителя к афишам с незнакомыми названиями.

А я вспоминал свою поездку в Краснoдoн, могилы молодогвардейцев под черным донбасским небом, лица матерей, улицы города, музей, дневники, письма, фотографии... Молодогвардейцы стали частью моей жизни, моей биографии. Мне казалось, что почти о каждом из них я могу рассказать больше, чем о людях, живущих рядом.

И была еще задача, внутритеатрального, но жизненно необходимого плана. Много лет подряд театр не знал, что такое большая творческая радость, радость полной самоотдачи образу, нужному зрителю.

Можно ли себе представить молодого человека, который бы не хотел быть Олегом Кошевым, Земнуховым, Тюлениным? И можно ли представить себе актера, которого бы не

увлекли цельные, неповторимо своеобразные характеры юных героев?

Мы все хорошо понимали, что спектакль станет той первой нотой, от которой в дальнейшем будет зависеть звучание всего оркестра, спектакль должен был определить лицо нашего театра, его ведущую тему. Тема эта, несомненно, должна быть героической, патристической и вместе с тем глубоко духовной, человеческой.

Сейчас спектакль «Молодая гвардия» выдвинут на заключительный тур лучших спектаклей по Украине.

Что привлекло нас в «Аргонавтах» Ю. Эдлisa? Пьеса, несомненно, не из самых сильных, но в ней есть то, что показалось нам ценным, то, что может стать поводом для спектакля, — мыслящие герои. Герои «Аргонавтов» в том возрасте, в каком были молодогвардейцы, может, несколько старше. И, конечно, они нервущейся нитью связаны с комсомольцами 40-х годов. Не случайно ведь песня, кото-

рую мы вставили во II акт, — «На безымянной высоте». Она-то и должна говорить — и, мы надеемся, говорит зрителю: погибали за нас и за вас ребята, тогдашние наши сверстники. Будьте достойны их! Для героев «Аргонавтов», приемников молодогвардейцев, вопрос о подвиге не снимается с повестки дня.

Подвиг этот, может, более будничен и менее заметен, но от этого не менее важен для личности. Напряженная жизнь человеческого духа — вот что стало центром спектакля. Но и тут мы, кроме аудитории, помнили и об исполнительском коллективе. Перед ним стояла задача сложная и в какой-то степени опасная для молодых актеров: наполнить спектакль мыслью и, «переложить» эту мысль в зрителя, не впадая при этом в морализаторство и не докучая зрителю готовыми решениями. Надо было найти где-то границу, до которой вести зрителя и за которой оставить его размышляющим.

...Для меня, как для ре-

жиссера «Молодая гвардия», «Аргонавты» и «Ромео и Джульетта» — это своеобразный триптих, как бы три разных воплощения одного и того же творческого замысла, одной и той же ведущей идеи.

Трудно, пожалуй, объяснить, что общего между героической хроникой борьбы советских патриотов с захватчиками, помыслами, делами, раздумьями о жизни наших молодых современников — и бессмертной поэмой о любви, трагической легендой, созданной гением английского драматурга. На первый взгляд — как будто ничего... Слишком велико различие эпох, жизненного материала, ситуаций. Но если вдуматься... Разве не героизмом, высшей способностью самоотречения во имя любви, во имя идеала истинно человеческих отношений, потрясает нас история трагической любви Ромео и Джульетты? Именно этот героизм чувства хотелось нам в первую очередь донести до зрителя.

И еще одно. Существо-

ет веками устоявшийся штамп, освященная традицией трактовка образа Ромео как любовника, одержимого только одним чувством любви к Джульетте.

Нам хотелось подчеркнуть другое: духовное и даже — не будем бояться этого слова — интеллектуальное начало в Ромео. А трагедия Шекспира дает богатейший материал для такой трактовки. Ведь Ромео не просто любит, не только пытается завоевать сердце Джульетты и сделать их любовь счастливой и благополучной.

Почти все монологи Ромео — это размышления о любви; образы, сравнения и метафоры, которыми награждает он свою любимую, — это как бы утверждение тех качеств, которые навсегда его покорили. Поэма о любви? Безусловно. Но о любви духовной, облагороженной светлым, разумным человеческим началом. И пусть не везде в спектакле, не всегда в игре актеров эта мысль доведена до

конца, не всегда она находит лучшее решение, все же, как мне кажется, еще одна из бесконечных граней шекспировского чедра уловлена нами верно.

Часто задают вопрос: существуют ли для Театра юного зрителя какие-то ограничения по сравнению с театром обычным, есть ли у него какая-то своя театральная специфика. Я думаю — никакой. И ограничений никаких быть не может и не должно.

Если и есть у нашего театра особенность, то она прежде всего в большей ответственности: ведь подростки особенно нетерпимы ко всякой фальши, к «показухе».

Помочь человеку понять смысл жизни, величие наших дней, дать ему высокий образец поведения... Не в этом ли задача подлинного искусства? И, стало быть, особенно это важно для нас — наш зрительный зал заполняют те, перед которыми эти вопросы ставятся впервые. А решаются они каждым человеком однажды и на всю жизнь.

А. БАРСЕГЯН.
Главный режиссер Киевского театра юного зрителя.